

30. Шепелев, Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. / Л. Е. Шепелев. – Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1987. – 272 с.

31. Беспалов, С. В. Экономическая модернизация России в конце XIX – начале XX в.: современная историография / С. В. Беспалов. – М.: ИНИОН РАН, 2014. – 117 с.

32. Мехряков, В. Д. История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России / В. Д. Мехряков. – М.: ИЭ РАН, 1995. – 295 с.

33. Бовыкин, В. И. Коммерческие банки Российской империи / В. И. Бовыкин, Ю. А. Петров. – М.: Независим. исслед. информ. агентство «Перспектива», 1994. – 351 с.

(Дата поступления: 13.09.2017).

Воронович Виталий

кандидат исторических наук, доцент, Минск, Беларусь

Voronovich Vitaliy

Ph.D., associate professor, Minsk, Belarus

УДК 94(476):314.745.22«1914/19»

ПРОБЛЕМА БЕЛОРУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ФОРМАЛИЗМ, ФОРМАЛИЗАЦИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ

THE ISSUE OF THE REFUGEES DURING THE FIRST WORLD WAR: FORMALISM, FORMALIZATION, CONSEQUENCES, AND LESSONS

Статья посвящена изучению причин возникновения, масштабов и трудностей решения проблемы белорусских беженцев в период Первой мировой войны. Особое внимание уделяется правовому регулированию этих процессов, просчетам государственных структур и достижениям общественных организаций в данной сфере, что может быть полезно при совершенствовании миграционной политики и политики обеспечения безопасности на современном этапе.

Ключевые слова: беженцы; миграция; Первая мировая война; формализм; формализация; уроки; последствия; тактика «выжженной земли»; полномочия; взаимодействие; система; помощь; гуманизм.

The article is devoted to the study of the causes, extent and difficulty of the decision problems of the refugees during the First world war. Special attention is paid to the legal regulation of these processes, the failures of state structures and achievements of public organizations in this sphere, which may be useful in improving migration policy and security policy at the present stage.

Key words: refugees; migration; first world war; formalism; formalization; lessons; consequences; the tactics of «scorched earth»; powers; interaction; system; care; humanism.

Общеизвестным является тот факт, что на современном этапе значительно увеличилось количество вооруженных конфликтов различной природы, масштабов и интенсивности, которые провоцируют диверсификацию и нарастание потоков вынужденной миграции (особенно беженцев). Принимая во внимание изложенное, для расположенной в центре Европы и де-факто находящейся в точке пересечения разнонаправленных волн движения человеческих, материальных, банковских, транспортных и иных ресурсов Республики Беларусь, которая испытывает на себе все более возрастающее и не всегда позитивное влияние миграционных процессов, целесообразно обратиться к детальному научному изучению имеющегося, но по различным причинам ранее не всегда востребованного, исторического опыта решения проблемы беженцев и перемещенных лиц, достижений и просчетов в упомянутой области.

Это тем более справедливо, если учесть социально ориентированный характер государственной политики и соображения необходимости эффективного обеспечения национальной безопасности независимого белорусского государства, которые в совокупности не позволяют пренебрегать исследованием напрямую затронувших в начале XX века его территорию и жителей событий, попыток справиться с последствиями не имевшей доселе аналогов гуманитарной катастрофы, ставшей закономерным следствием Первой мировой войны. Особо отметим, насколько важно в данном процессе «отделить зерна от плевел», разграничивая в проводимых тогда мероприятиях различного свойства проявления формализма и, наоборот, необходимых для повышения эффективности поддержки наиболее уязвимых категорий населения процедур формализации, упорядочения профильной деятельности государственных и общественных структур, объективно оценивая достигнутые результаты и постоянно извлекая уроки из случившегося.

В рассматриваемом контексте сразу следует упомянуть, что, несмотря на то, что армейское командование получило чрезвычайные полномочия по управлению фронтовыми и прифронтовыми территориями еще в начале Первой мировой войны (в том числе по решению вопросов регулирования миграционных потоков), его застало по существу врасплох первое массовое и зачастую стихийное перемещение беженцев с белорусских территорий в центральные регионы Российской империи, которое наблюдалось летом и осенью 1915 года, будучи связано с серьезными поражениями русской армии в указанный период и непоколебимой ориентацией генштаба на переход по аналогии с опытом Отечественной войны 1812 года к тактике «выжженной земли».

Соответственно, в сжатые сроки требовалось подготовить и реализовать комплекс мероприятий по упорядочению эвакуации населения и части имущества последнего (либо его реквизиции/уничтожения), регистрации, снабжению, санитарно-медицинскому обслуживанию, обустройству, профилактике девиантного поведения беженцев, а также по финансированию предпринимаемых мер.

Разумеется, преимущественно соответствующие сферы деятельности в условиях сложной боевой обстановки воспринимались военными как своеобразная обуза, непрофильный и чрезвычайно обременительный сегмент, отвлекающий и осложняющий выполнение прямых задач по силовому подавлению противника либо укреплению собственных позиций.

В итоге о гуманных подходах к решению обозначенных вопросов даже применительно к соотечественникам в указанный период можно говорить далеко не всегда (особенно если принять в расчет отсутствие заблаговременной подготовленной ресурсной и организационно-управленческой базы для решения возникших проблем, неотработанность механизмов взаимодействия между различными структурами, порой ориентированными на достижение едва ли не противоположных целей).

Неслучайно уже в июле 1915 года только на участке Кобрин – Пружаны – Барановичи находилось 400 тысяч вынужденно покинувших родные места людей [1, с. 268], а за несколько дней октября того же года из-за перенесенных в ходе бегства невыносимых тягот и лишений только на железнодорожной станции Минск скончалось 1516 человек [1, с. 269].

К январю 1916 года только через Могилевскую губернию прошло около миллиона беженцев [2, с. 837]. В связи с отсутствием сбалансированной и четкой системы государственной поддержки упомянутой категории населения, зачастую носившей формальный и в определенных аспектах декларативный характер, наиболее существенная нагрузка по реальному спасению непосредственно пострадавшего от войны населения легла на общественные институты.

Наиболее крупными и активными общественными организациями, занятыми осуществлением различных акций в гуманитарной сфере и призванными в той или иной мере облегчить положение упомянутой категории лиц, стали Красный Крест, Особый отдел комитета «Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны» (Татьянинский комитет), Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов (Земгор), ряд других сформированных по религиозным, территориальным или национальным принципам благотворительных структур (например, расположенное в столице Белорусское товарищество по оказанию помощи пострадавшим от войны, Московское товарищество беженцев-белорусов и пр.). Разноплановую деятельность минского отделения Белорусского товарищества помощи пострадавшим от войны,

которая заключалась не только в социальной, но и в национальной сфере, изучал белорусский историк С. Ф. Шимуквич [8; 9].

Кроме прочего, огромное значение для учета беженцев имело функционирование Центрального Всероссийского бюро по регистрации и розыску беженцев при Татъянинском комитете, а для предупреждения взрывного роста инфекционных заболеваний и борьбы с эпидемией холеры на белорусских землях в 1915 году исключительно своевременным стало создание при поддержке местных ячеек Земгора госпиталя с прачечной, дезинфекционной камерой, водопроводом, полями орошения для обезвреживания отбросов в Гомеле на 1665 коек, госпиталя в Витебске на 250 коек [3, с. 266] и ряда других медико-санитарных учреждений.

Однако в условиях отсутствия системной государственной политики на сей счет, заранее разработанных планов эвакуации, детализированных источников финансирования, продуманных механизмов взаимодействия и их координации усилия оказывались недостаточными и не могли коренным образом исправить наблюдавшееся стремительное ухудшение положения в профильной сфере.

Проведенные довольно масштабные (особенно в контексте специфики военного времени, скорости изменения оперативной обстановки, ограниченности располагаемых человеческих и прочих ресурсов, не слишком позитивного воздействия иных факторов) мероприятия по частичной переписи, продовольственной и правовой помощи, содействию в скорейшем трудоустройстве и поиске родных, проведению противэпидемиологических мероприятий, преодолению среди населения на новых местах недоброжелательного и даже враждебного отношения к приезжим, сбору необходимых средств и т. д. – все эти благородные шаги, дабы уменьшить гибель и страдания абсолютно мирных людей, компенсировать потерю собственности и крова, несмотря на искренний порыв и граничившую с самопожертвованием колоссальную самоотдачу участников, кардинально изменить усугублявшуюся негативную тенденцию развития событий не могли.

Дополнительно усугубляло почти безвыходное положение оказавшегося в критической ситуации, совершенно не защищенного и практически лишенного средств к существованию, а порой направляемого полицией в отдаленные губернии населения издание некоторых официальных циркуляров и ведомственных инструкций, прямо предписывавших при железнодорожной транспортировке изымать повозки и лошадей, перед выездом из дома забирать домашний скот и оставленные вещи либо уничтожать таковые [4, с. 291].

В итоге, согласно проведенным в декабре 1915 года статистическим исследованиям, среди белорусских беженцев, свыше 78 % которых были крестьянами и оказались не востребованы на нуждавшемся в высококвалифицированных специалистах рынке труда центральных губерний,

крупный рогатый скот потеряли почти все, лошадей – свыше 2/3, повозки – почти половина [5, с. 638–639], что способствовало или социальной апатии и маргинализации, или радикализации и тяготению к различного рода экстремистским течениям, криминальным сообществам у значительной части данной группы населения.

Более того, хотя к началу 1916 года общероссийская система государственного попечения о беженцах с участием общественных благотворительных организаций в целом была сформирована, для принципиального и полного решения данного вопроса этого уже оказалось недостаточно, поскольку время, равно как еще совсем недавно имевшиеся возможности, были упущены.

Фактически лишь через год после начала войны (30 августа 1915 года) был принят Закон «Об обеспечении нужд беженцев», который предусматривал созыв Особого совещания по устройству беженцев при МВД, а «Руководящие Положения по устройству беженцев», учреждавшие в составе данного министерства для центрального управления и распоряжения соответствующими кредитами «Отдел по устройству беженцев», и вовсе одобрены 2 марта 1916 года. Не исправило ситуацию и учреждение для координации деятельности среди эвакуированных должностей Главно-уполномоченных по устройству беженцев на всех фронтах и внутри империи. При этом если в начале войны выделяемой для поднайма жилья суммы в размере 1,2–2,0 рубля в месяц и 15–20 копеек пайковых в день еще хватало для гарантирования минимального уровня обеспечения для чрезвычайно скромной жизни вместе с 3–4 семьями в одном помещении, то уже в конце 1915 года столь мизерных средств стало явно недостаточно [6, с. 16]. Численность же беженцев из пяти западных губерний в центральных регионах империи к 1 февраля 1917 года превысила 1,13 млн человек [7, с. 57]

Таким образом, во многом серьезность и острота проблемы белорусских беженцев в период Первой мировой войны была связана не только с постоянно расширявшимися масштабами боестолкновений, ограниченностью материальных, финансовых и кадровых ресурсов, серьезными пробелами в нормативной правовой базе. Не меньшее воздействие (и в этом заключается один из самых значимых и памятных исторических уроков случившегося) на рост социальной напряженности, созревание так называемой «революционной ситуации» и случившуюся в дальнейшем катастрофу оказали недостаточная координация взаимодействия структур государственной власти и общественных организаций в решении связанных с указанными аспектами социально-гуманитарных вопросов, отсутствие сбалансированной комплексной стратегии решения упомянутых проблем и тактических мероприятий по их решению, а также формализм, нежелание или неумение видеть трудности рядовых людей и оказывать им системную помощь.

Список использованных источников

1. Цакунова, Т. П. Проблема беженцев в Беларуси в период Первой мировой войны / Т. П. Цакунова // Беларусь в современных геополитических условиях: политико-правовые и социально-экономические условия устойчивого развития: материалы межвуз. науч.-практ. конф. 30 марта 2007 г., Минск: в 2 т. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2007. – Т. 1. – С. 268–269.
2. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). – Минск: Изд-во АН БССР, 1953. – Т. 3. – 1019 с.
3. Абраменко, М. Е. Беженство в Беларуси в годы Первой мировой войны: медико-санитарный аспект / М. Е. Абраменко // Шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зб. навук. арт. / Мін-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, ГомДУ імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2012. – Вып. 1. – С. 263–267.
4. Цуба, М. В. Бежанскі рух у беларускіх губернях падчас Першай сусветнай вайны (1915–1916 гг.) / М. В. Цуба // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2011. – Вып. 11, ч. 1. – С. 287–293.
5. Рудович, С. С. К вопросу о половозрастном и этносоциальном составе беженцев Первой мировой войны в Беларуси / С. С. Рудович // Женщина. Общество. Образование: материалы 12-й междунар. науч.-практ. конф., 18–19 дек. 2009 г., Минск / Женск. ин-т «Энвила». – Минск, 2010. – С. 636–641.
6. Утгоф, В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. С. Утгоф; РАН; СПб. ин-т истории. – СПб., 2003. – 23 с.
7. Сташкевич, Н. С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925) / Н. С. Сташкевич. – Минск: Университетское, 1985. – 304 с.
8. Шимукович, С. Ф. Белорусский национальный вопрос в начале Первой мировой войны / С. Ф. Шимукович // Первая мировая война и национальный вопрос: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. (г. Пермь, 22–23 мая 2014 г.) / под общ. ред. Н. В. Подпрятова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 70–77.
9. Шимукович, С. Ф. Первое легальное национальное белорусское общество – через благотворительность к возрождению нации. (Деятельность Белорусского Общества помощи пострадавшим от войны, 1915–1916 гг.) / С. Ф. Шимукович // Беларуская дзяржаўнасць: вопыт XX стагоддзя: матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 18–19 крас. 2003 г. – Мінск: БДПУ, 2004. – С. 64–66.

(Дата поступления: 20.10.2017).